

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕНИАМИНА КАВЕРИНА

«Пусть замыслы, пусть неосуществимые! Пусть они только иногда пробивались в его книги. Но и эти редкие свидетельства драгоценны своим вечным присутствием, своей неиссякаемостью. Слишком они были сильны чтобы вдруг и навсегда оборваться... Их невозможно ни изжить, ни пресечь.

И несть им конца!» – писал о еврейской теме в творчестве Вениамина Каверина М.Вайнштейн. [2, с.357]

Фактически еврейская тема в творчестве Вениамина Каверина остается открытой и неизученной в литературоведении стран СНГ и сегодня. И это связано прежде всего с тем, что в 50-60-ых годах прошлого века в Советском Союзе все произведения Вениамина Каверина (исключение составляли только «Два капитана») связывали с буржуазным космополитизмом и советская литературная критика надеялась «что В. Каверин, писатель интересный и своеобразный, вернется на путь социалистического реализма, которого он достиг с таким трудом и с которого он так неожиданно свернул. В. Каверин обладает всеми возможностями для преодоления своих творческих ошибок.» [1. с.179] Наша задача, вновь обратившись к его творчеству, показать, что по своей природе, по состоянию своей души он изначально принадлежал к наследникам Макаавеев. Его настоящая фамилия Зильбер и как отмечал ранее упомянутый нами исследователь еврейской темы в русской литературе М.Вайнштейн «а между тем, знавшие его близко, внимательно читавшие его книги, рисовали совсем другой образ Каверина (Зильбера) – художника. Л.Лунц, товарищ каверинских юношеских лет, посвятил ему повесть «Родина», и не только посвятил, но и сделал Каверина героем своего библейского произведения. В нем Бениамин предстает одним из страстнейших пророков, призывающих сородичей своих к исходу из вавилонского плена в Израиль, к возвращению в страну отцов, где поля давно истосковались по рукам древних трудолюбивых пахарей» [2,с.337]

Творчество Вениамина Каверина – это еще одна из ярких страниц в истории русско-еврейской литературы XX века, страниц трансформации Горы и обработки современных респонсов, через трансформацию советской эпохи в глазах простого еврея. Его повесть «Художник неизвестен» - своеобразный гнев протеста против кровавой бойни Октября 1917 года и того, что было сделано в этот период с евреями. Действие этого произведения разворачивается на фоне социализма с гербом :

«Архимедов тер очки о рукав пальто.

- Мне тяжело смотреть на этот щит, - сказал он наконец, - Он безобразен. Он говорит о том, что геральдика революции попала в руки управдомов. Скульптору, который слепил его, следует вынести общественное порицание. И не только за то, что он плохо исполнил свою работу, смешав гербы ремесла с

гербами власти, но и за то, что он не понимает различия между достоинством и ответственностью за труд. Ты скажешь – романтика! Я не отменяю этого слова. У него есть свои заслуги. Когда-то русские назвали романом подвешенное на цепях окованное бревно, которым били по городским укреплениям. Роман был тогда тараном. Потом он опустился он стал книгой. А теперь пора вернуть ему первоначальное значение. Романтика. Поверь мне, что это стенобойное орудие может пригодиться для борьбы с падением чести, лицемерия, подлостью и скукой». [2,с.160-161]

В своем произведении Вениамин Каверин показывает как социализм коверкает судьбу еврейской семьи. Перед нами треугольник, в котором существуют Архимедов, его жена Эсфирь и сын Фернанд. С чисто хасидской точки зрения автор рассматривает образ женщины, она считает себя виноватой во всем:

«- Я, я одна виновата во всем! Он кашлял, он ходил в рваных носках! Никто о нем не заботился, когда он ходил голодный. Он прав, я хочу увидеть его, чтобы сказать, что он прав! Я думала только о себе. Разве я не будила его по ночам, когда плакал ребенок?

Это было не очень похоже на любовь. «Я хочу видеть его, чтобы сказать, что он прав». Раскаянье – пожалуй, к речи ее лучше подошло бы это слово...

Женщина встала, и вновь я увидел ее грозный и печальный лоб, прямой нос дочерей Ливана и высокую невежественную шею, которую Библия решилась бы, без сомнения, сравнить с башней из слоновой кости, обращенной лицом к Дамаску.» [1,с.190-191]

Эсфирь губит не равнодушие, по мнению Вениамина Каверина в данном случае ее губит окружающая ее действительность: «Ты сын славянина и еврейки, ты рожден под советским гербом.» [2,с.215]

Эсфирь умирает и словно как укор народу, забывшему свои корни, звучат слова автора: «Она лежала, сломав руки, полная теней. Как невод, они опутывают весь перекресток. Они качаются на присевших домах, в перекошенных ромбах окон. В пустынных перспективах пригорода они проходят с угрюмой важностью одиноких. Они падают на платок, сдвинувшийся при падении с глаз, на закушенные от усилий губы.

Час сумеречный. Свет синий, голубой, белый.

Горбоносый доктор идет к ней, с досадой оттопырив губы и шляпа подпрыгивает на курчавых упругих пружинах волос. Чужие люди стоят вокруг в застывших позах любопытства, равнодушия, страха, а некоторые – с поднятой рукой – как страшные дураки персидских живописцев. Все смотрят на нее. Она лежит, пересеченная туманными полосами теней и света. Разинув рот, подняв красную палку, милиционер едет к ней на кособокой пролетке; у лошадей – круглые, удивленные лица.

И все смотрят на нее. Полные безразличного любопытства пятна грунта смотрят на нее из сломанных окон, а старушка с плоской головой змеи из полуоткрытой двери подвала. Едва намеченная черным, маленькая холодная

девка с поджатым ртом, заглядывает в ее глаза, гадая судьбу на их стеклянной глазури. Важный, в изящном котелке стоит в толпе нищий с большим детским глазом. Все смотрят на нее.

А она лежит такая, как будто это был полет, а не падение, и она не разбилась, а умерла от высоты. И кажется, что последний близкий человек только что повернул за угол – и скрылся...

Это могло удаться лишь тому, кто со всей свободой гениального дарования перешагнул через осторожность и нечестность современной живописи, которая так отделилась от людей. Смешение высокого строя с мелочами, обыденных подробностей с глубоким чувством времени – этому нельзя научиться ни у живых мастеров, ни у мертвых. Только новое зрение, смело опирающееся на то, что все другие считают случайным или банальным, могло решиться на такое возвращение к детской природе вещей. На ряду с бессознательной силой изображения здесь видим ум и память – страшная память, основанная, быть может, на ясных представлениях о том, что проходит перед глазами человека, летящего вниз с пятого этажа. Нужно было разбиться насмерть, чтобы написать эту вещь...

Цвета: светло-зеленый, черный, глубокий синий. Где-то, очевидно с намерением, оставлен грунт. Фигуры написаны отрывистыми мазками. Картон – что придает отпечаток некоторой деревянности в фактуре. Масло. 80×120. Художник неизвестен.» [2,с.298-299]

По мнению автора, здесь погибает дева Мария. И словно отдавая дань моде художник слова пишет: «Женщина с младенцем на руках появлялась расплывчатая, пересеченная туманными полосами теней и света, медленно плыла вдоль с каждым мгновением становясь яснее.

Величая с неподвижным младенцем на руках, она плыла как живая картина, и вот туманный свет уже проходил через нее, меняя цвета она была уже матовой, расплывчатой, и, наконец, исчезла...» [2,с.252]

Тема произведения «Художник неизвестен» удивительно перекликается с о знаменитым романом «Два капитана», где слова «Да спасет тебя любовь моя» - это не только каверинское обращение к Деве Марии, но прежде всего через нее к «שִׁיר הַשִּׁירִים».

В 1924 году Вениамином Кавериным было написано еще одно произведение под названием «Конец Хазы». Изображая воровской притон, автор фактически следует за Бабелем и за его Беней Криком. Только Королем в его произведении становится налетчик Шмерка Турецкий Барабан, который сожалеет о том, что он не стал раввином. И в этом сожалении опять усматриваются еврейские корни Каверина, который возможно сожалеет о том, что в свое время не изучал Вавилонский Талмуд.

Но по настоящему еврейская самоидентификация Каверина проявилась в его произведении «Восстание в Собибуре». Произведение можно назвать документально-публицистическим, но боль автора в нем отражается в каждой строчке: «Сейчас на десятке гектаров польской земли, где был расположен

Собибурский лагерь уничтожения, ветер позванивает колючей проволокой. Картофельное или капустное поле, которое немцы развели здесь, чтобы скрыть следы своей чудовищной работы, еще раз перекопано. Под ним найдены осколки человеческих костей, жалкие обломки лагерного быта, разрозненная обувь всех размеров и фасонов, множество бутылок с этикетками Варшавы, Праги, Берлина, детские молочные рожи и протезы стариков, еврейские молитвенники и польские романы, открытки с видами европейских городов, документы, фотографии, побуревший молитвенный талес рядом с какой-то трикотажной тряпкой, консервные коробки и футляры от очков, детская кукла с вывороченными ручками, наконец, как самый неумолимый и грозный свидетель совершенных здесь злодеяний – большой человеческий череп, вымытый и выбеленный дождями.

Страдания погибших здесь людей, их слезы и предсмертный ужас кончились. Этим людям больше нет.

Немногие из спасшихся рассказали все, что знали и видели.

Если идти отсюда, держась направления строго на запад, дойдешь до границы немецкой земли. Она разворочена уральским металлом, разбита гусеницами танков.

Красная Армия принесла туда, к самому сердцу немецкой земли, огонь священной расплаты за страдания оскорбленных народов.» [2,с.330-331]

Именно подвигу советских людей и, в частности евреев, посвящен и роман В.Каверина «Два капитана», где девизом автора стали строки «Бороться и искать, найти и не сдаваться..» Но все-таки это были слова защитников Массады.

Только в апреле 1992 года в Литературной газете вышла статья В.Новикова «Художник неизвестен?»[4], в которой автор указывает на то, что Доротея Беринхард исследовала роман Вениамина Каверина «Художник неизвестен» и дала ему справедливую литературную критику. На сегодняшний день в странах СНГ это произведение так и не было напечатано. Остается надеяться, что когда-нибудь и наш читатель прочтет «Восстание в Собиборе».

Литература

1. Ложечко А. Проявление старых ошибок. - /Октябрь, 1950, №3 – с.173-179
2. Каверин В. Художник неизвестен и другие произведения. – Иерусалим: издательство Р.Портного, 1982
3. Каверин В. Два капитана. – Ленинград: Художественная литература, 1941.
4. Новиков В. Художник неизвестен? - /Литературная газета, 1992, 15 апреля.
5. Синельников М. С неверных позиций. – Литературная газета, 1969, 6 августа.

Анотація

У статті розглядається єврейська тема у творчості відомого радянського письменника Веніаміна Каверіна.

У своєму розумінні оточуючи його дійсності автор йде від образу свого сучасника до біблійної діви Марії.

Ключові слова: єврейська тема у творчості письменника, соціально-політичні проблеми творчості письменника, хасидський світогляд.

Аннотация

В статье рассматривается еврейская тема в творчестве известного советского писателя Вениамина Каверина.

В своем понимании окружающей его действительности автор идет от образа своего современника к библейской деве Марии.

Ключевые слова: еврейская тема в творчестве писателя, социально-политические проблемы творчества писателя, хасидское мировоззрение.

Summary

In the article we are looking in the Hebrew theme in the creative works of the famous Soviet

We looking, what in the your outlook author going from the image of contemporary to the image of Bible Mari,

Key words: the Hebrew theme in the creative works of writer, Social-political problem in the creative works of writer, the outlook of Hasidim.

Стаття прорецензована та рекомендована до друку завідувачем кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди., доктором філологічних наук, професором Фрізманом Л.Г.